

Он лежал на операционном столе, едва дыша, но, услышав эту новость, вновь ощутил, как внутри вспыхнуло пламя ненависти. Он жаждал мести. Движимый этим чувством, он сумел выжить.

В тот период те люди поймали новых подопытных, поэтому ослабили бдительность по отношению к нему, ведь он перестал представлять хоть какую-то ценность. В тот вечер его оставили под присмотром лишь одного охранника. Пока тот сидел в углу и играл в телефоне, Гу Шэн воспользовался моментом: он сжал в кулаке спрятанный в одежде шприц и со всей силы вонзил его в человека. Так он сбежал.

Картина снова сменилась.

Совершенно неожиданно.

Точнее, неожиданно для них. Ведь за все эти годы он бесчисленное количество раз представлял себе эту встречу.

Всё шло почти так, как он и задумывал: он сорвал церемонию совершеннолетия, убил нескольких человек, изрядно ударив по репутации их клана, хотя в конце концов, отравленный, так и не смог уйти.

Нанести врагу урон, пожертвовав собой — это было в его духе.

Они вернули его обратно, в ту же самую комнату. В тот миг его сердце дрогнуло.

И тот человек, которого он ненавидел больше всех, казалось, изменился. Последние несколько дней он неотступно находился рядом, дежурил по ночам. Даже после всего, что Гу Шэн успел натворить, он сохранял невозмутимый вид, словно ничто не могло его поколебать. Неужели это чувство вины?

Сам он сказал, что нет.

И Гу Шэн тоже был уверен, что нет.

В тот вечер, толкнув двери банкетного зала, он был готов к тому, что его тут же вышвырнут вон. Он прекрасно знал состояние своего тела: от него осталась лишь оболочка, и против телохранителей клана Гу он был сущим пустяком.

Однако одно его слово — А-Шэн — заставило окруживших его людей отступить, давая ему возможность подойти ближе и совершить задуманное.

А-Шэн...

Он никогда раньше так его не называл. Даже в детстве.

Более того,

Он узнал его с первого взгляда. В тот момент он испытал непередаваемое чувство.

Словно дерево ненависти, которое так долго и буйно росло в его душе, начало увядать. Осознав это, он сам пришел в ужас.

— Угх! А-а-а!

Тело пронзила острая, невыносимая боль. Гу Шэн очнулся от тяжелого сна, его скрутило в судороге. Глаза налились кровью, вены вздулись. Су Сян, дремавшая у края кровати, в испуге вскочила.

— Шэн-эр, что с тобой?

Он с силой оттолкнул её руку. Су Сян не удержалась, отлетела назад и ударилась поясницей об острый угол стола. Резкая боль пронзила тело, её утонченное лицо исказилось от муки, но она не обратила на это внимания. Она снова бросилась к Гу Шэну, пытаясь крепко обнять его.

У него началась ломка — Су Сян поняла это мгновенно. Гу Шэн уже начал причинять себе вред: не найдя того, что искал, он принялся неистово терзать собственную грудь, издавая дикие стоны.

— Шэн-эр, Шэн-эр...

Су Сян не могла подобраться к нему. Стоило ей сделать шаг к кровати, как Гу Шэн, словно почувствовав её присутствие, швырнул в неё подушку. Его покрасневшие глаза уставились на неё, но взгляд был расфокусированным, будто он видел не её, а что-то другое.

Сейчас он был похож на загнанного в угол ежа. Сердце Су Сян разрывалось от боли. Она стояла рядом, не в силах помочь, и лишь снова и снова звала его по имени.

Что же пришлось пережить её ребенку за эти годы? Господи, за что ему такие страдания? Почему? Шэн-эр, мой бедный Шэн-эр...

Вещи с прикроватной тумбочки летели во все стороны. Рёв продолжался, становясь всё более неконтролируемым.

— Дай мне, дай, дай, дай... Умоляю вас, дайте мне... дайте...

К концу фразы в его голосе слышались рыдания.

— Шэн-эр, тебе нельзя больше прикасаться к этому, это погубит тебя.

— Дай мне, хоть раз, всего один раз, умоляю вас.

— Шэн-эр. — Су Сян покачала головой, плача так, что от её привычной элегантности не осталось и следа.

— Воды, мне нужна вода! — Гу Шэн вдруг словно очнулся и отчаянно закричал.